

Хотя с костями всё было в порядке, у Чэн Е диагностировали аппендицит.

Сейчас операции по удалению аппендикита стали обычным делом и не считаются чем-то серьезным, но Ли Цинъюй всё равно сильно переживал.

В день операции у Чэн Е проходил отборочный этап провинциального конкурса, на котором участники должны были присутствовать лично, поэтому Ли Цинъюй никак не мог отлучиться.

Сюй Вэйжань пообещал ему, что они присмотрят за Чэн Е и всё будет в порядке, чтобы тот спокойно ехал на соревнование.

Отборочный тур проходил в соседнем городе. Ли Цинъюй купил билет на ночной скоростной поезд и вернулся в город А уже в одиннадцать вечера.

Он вызвал такси и поехал напрямик в больницу.

Когда он добрался до первой городской больницы, была уже почти полночь.

Ли Цинъюй перекинулся парой слов с медсестрой у входа. Хотя Сюй Вэйжань и остальные прислали ему сообщение, что всё хорошо и волноваться не о чем, он всё равно не мог найти себе места.

Он знал, что с Чэн Е всё в порядке, и понимал, что сейчас не время беспокоить пациента, который только что перенес операцию.

Но...

Он не мог удержаться. Ему нужно было увидеть его своими глазами, чтобы успокоиться.

Ли Цинъюй немного помялся у двери, а затем на цыпочках вошел в палату.

Свет был выключен, но шторы на окнах не задернули. Лунный свет пробивался в комнату вместе с тусклым сиянием коридорных ламп, так что разглядеть всё вокруг не составляло труда.

На больничной койке спал Чэн Е. Его лицо выглядело как обычно, он даже безмятежно похрапывал. Лишь тогда сердце Ли Цинъюя, которое все эти дни было сжато от тревоги, наконец немного отпустило.

В слабом свете он внимательно, линия за линией, очертил взглядом контуры лица Чэн Е.

Ссадина на лбу уже зажила, остался лишь едва заметный розоватый след, который невозможно заметить, если не присматриваться. У Чэн Е не было склонности к образованию шрамов, так что скоро и это пройдет.

Ли Цинъюй уже бесчисленное количество раз тайком любовался этим лицом.

Лоб, нос, глаза, губы, подбородок... Даже с закрытыми глазами он мог бы в точности воспроизвести черты Чэн Е на бумаге.

Это был самый сокровенный секрет, который он хранил в глубине души все эти годы.

Он был до безумия, до умопомрачения влюблен в него.

Ли Цинъюй никому не рассказывал, что его работа для провинциального конкурса называется Ромашка.

На языке цветов ромашка означает тайную любовь, спрятанную глубоко в сердце.

На рисунке был изображен юноша, полный сил и молодости: он легко оттолкнулся от земли, взмыл вверх и бросал мяч в корзину.

Именно таким он впервые увидел Чэн Е, когда учился в восьмом классе.

Тогда Ли Цинъюй только приехал из деревни, его переполняли неуверенность в себе и робость.

Когда он шел по школе вслед за тетей, он даже бояться поднять глаза на окружающих.

Тетя ушла в уборную, наказав Ли Цинъюю ждать её у баскетбольной площадки.

Мимо сновали школьники в форме, и ему казалось, что все вокруг смотрят только на него.

Этот страх перед чужой средой и внутренняя застенчивость вызывали у него жгучий стыд.

Он сидел, вцепившись пальцами в скамью так, что ногти впивались в кожу, и не смел пошевелиться.

Он боялся, что кто-нибудь подойдет заговорить с ним, боялся, что его будут обсуждать.

Он сидел там в своей нелепой одежде, совершенно чужой в этом мире.

Одна из учениц подошла к нему:

— Ты новенький? В каком ты классе?

В деревне Ли Цинъюя постоянно обижали, потому что у него не было ни отца, ни матери.

Над ним издевались, обзывали его голубоглазым монстром.

У него не было друзей, чаще всего он разговаривал только с бабушкой да со старым быком.

Потом старого быка не стало.

А потом ушла и бабушка.

И он решил просто замолчать.

Внезапно заговорив с ним, девушка заставила Ли Цинъюя так разнервничаться, что его руки задрожали. Он не смел показать ей свои глаза и лишь что-то невнятно пробормотал, не зная, что делать.

Не дождавшись ответа, девушка заметила его реакцию и дернула подругу за рукав:

— Кажется, он не в себе, не обращай внимания.

Они ушли на площадку и что-то рассказывали одноклассникам, и многие стали оглядываться на него.

И смеяться.

Они смеялись над ним.

Ли Цинъюю стало так стыдно, что он готов был провалиться сквозь землю.

Вдруг баскетбольный мяч покатился и остановился у его ног.

Мяч коснулся его брюк.

Кто-то крикнул ему:

— Эй, приятель, можешь бросить мяч обратно?

Ли Цинъюй застыл.

Долго не мог пошевелиться.

— Ну чего ты такой жадный? — раздался ясный, жизнерадостный голос. — Чего сам не идешь? Совсем обленился.

Послышались шаги, кто-то бежал в его сторону.

На сухую, раскаленную землю перед ним легла тень. Ли Цинъюй поднял голову.

Он посмотрел на подошедшего парня.

Тот стоял против света, и его фигура казалась особенно высокой.

Спустя мгновение Ли Цинъюй разглядел лицо незнакомца.

Парень наклонился, поднял мяч и, выпрямившись, внимательно посмотрел на него:

— Ты иностранец? У тебя такие красивые глаза.

Ли Цинъюй опешил.

Парень широко улыбнулся:

— Эй, иностранный друг, смотри, как я умею.

Сказав это, он легко оттолкнулся носками кроссовок, взмыл в воздух, чуть довернул кисть — и с глухим звуком мяч влетел в корзину.

Красивый трехочковый.

Ли Цинъюй замер, не в силах отвести взгляд.

Парень обернулся, вытер пот со лба краем футболки.

Он снова улыбнулся, обнажив ряд ослепительно белых зубов — уверенный, дерзкий, и

протянул руку:

— Привет, я Чэн Е из восьмого Б.

В детстве Ли Циньюй слышал от деревенских много историй о любви.

Тогда он их не понимал.

Позже он осознал: любить кого-то — это не поддается логике.

Жертвовать чем-то ради любимого человека — тоже.

Если бы в этом мире всё требовало рационального объяснения, многие чувства просто перестали бы существовать.

Так же, как и его любовь к Чэн Е. Он прекрасно знал, что Чэн Е — натурал, который никогда не полюбит мужчину.

Кем бы он ни был: альфой, бетой или омегой.

Но он всё равно продолжал любить его — неизменно, безропотно, находя в этой любви свое счастье.

Жаль только, что безответная любовь — штука горькая.

Ли Циньюй отогнал грустные мысли и собрался уходить.

Вдруг его пошатнуло, а дыхание сбилось.

Из-за того, что он так спешил и думал только о Чэн Е, он не сразу заметил, что палата пропитана знакомым запахом феромонов.

Чэн Е лежал в одноместной палате, где стоял диван для сопровождающих.

На этом диване сидел Чэн Вэй.

Сегодня он был в дымчато-сером костюме, очки лежали в нагрудном кармане. Он скрестил руки на груди и закрыл глаза, отдыхая.

Наверное, он был слишком утомлен, раз не проснулся, когда вошел Ли Цинъюй.

С их последней встречи прошло шесть дней, и всё это время Ли Цинъюй пропадал в мастерской, до изнеможения рисуя.

Постоянный недосып и сегодняшняя поездка довели его нервную систему до предела.

Стоило ему почувствовать феромоны Чэн Вэя, как ноги стали ватными.

Даже при том, что запах был едва уловимым.

В тот миг Ли Цинъюй словно лишился рассудка: он не мог контролировать свои ноги, которые сами несли его к Чэн Вэю.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что уже стоит перед ним, наклонившись.

Его рука была всего в сантиметре от лица Чэн Вэя — стоило лишь чуть потянуться, и он бы коснулся его кожи.

Ли Цинъюй вздрогнул, будто обжегшись, и отдернул руку.

В этот самый момент мужчина, который до этого дремал, внезапно открыл глаза.

<http://bllate.org/book/21235/2148496>